

Как бы ни терзалась Великая принцесса тревогой и бессильной злобой, под ласковым, полным притворной заботы взглядом Императора ей пришлось проглотить все слова в защиту Фан Цзо. Более того — ей пришлось нацепить сияющую улыбку и смиренно благодарить государя за его «великую милость».

Разобравшись с сестрой, Император строго воззрился на Хан Сиэня:

— Я знаю твой строптивый нрав. Но раз уж ты пообещал мне не трогать Фан Цзо пальцем, держи слово. Осмелишься пойти на попятную или устроить самосуд — пощады не жди.

— Ваш покорный слуга не посмеет, — ни секунды не колеблясь, отозвался Хан Сиэнь. — Однако что, если кто-то другой, прикрываясь моим именем, решит убрать Фан Цзо ради собственной выгоды и тем самым подставит меня? Как быть тогда?

Император насупился, его усы гневно встопорщились:

— О чём ты вообще думаешь? Неужто моя гвардия не знает, чьи приказы исполнять? Без твоего личного распоряжения никто из них и пальцем Фан Цзо не коснётся.

Смысл слов государя был предельно ясен: без личного ведома Хан Сиэня императорские гвардейцы не подчинятся никому со стороны.

Убедившись в этом, Хан Сиэнь окончательно успокоился.

— Ваш слуга всё понял. Я завершу расследование в кратчайшие сроки. Если молодой господин Фан чист, я лично принесу ему извинения. Если же виновен — закон будет суров и неумолим.

Император покосился на юношу и шумно хмыкнул. В этот момент Великая принцесса, доселе безмолвно глотавшая слёзы, тихо промолвила:

— Я бесконечно благодарна Вашему Величеству. И всё же... руки моего несчастного сына изувечены. Я собиралась умолять о дозволении лекарю осмотреть его, но раз уж наследник Хан столь категоричен... Позвольте мне хотя бы мельком повидаться с сыном? Я сама перевяжу его раны.

— Это исключено, — отрезал Хан Сиэнь прежде, чем Император успел открыть рот. — Государь изволил вымолвить священную волю: к арестанту никого не пускать. И это правило, разумеется, распространяется и на Ваше Высочество. Я уже обещал, что никто не станет издеваться над молодым господином Фаном. О его ранах позаботятся мои люди. Если Великая принцесса не верит мне, ей стоит довериться хотя бы слову Императора.

Одним словом — о том, чтобы увидеться с сыном наедине и передать ему весточку, Великая принцесса могла даже не мечтать.

Тонкая лесть в конце речи Хан Сиэня явно пришлась государю по душе. Он смягчился и повернулся к сестре:

— Успокойся, сестра. Я немедленно отправлю придворного лекаря вместе с гвардейцами, дабы тот осмотрел раны Фан Цзо. Как только с твоего сына снимут ложные обвинения, Хан Сиэнь лично выведет его и принесёт вам глубочайшие извинения.

В каждом слове Императора сквозила слепая уверенность в невиновности Фан Цзо. Он шёл на эти уступки лишь под давлением упрямого Хан Сиэня, ни на секунду не сомневаясь, что дело лопнет как мыльный пузырь, и юноша выйдет на свободу.

Сердце Великой принцессы сжалось от горечи, но ей оставалось лишь склонить голову и смиренно поблагодарить государя.

Император собирался ещё немного потолковать с Хан Сиэнем с глазу на глаз, но, видя гнетущую атмосферу, лишь махнул рукой, отпуская обоих.

Откланявшись, Хан Сиэнь и Великая принцесса покинули императорский кабинет.

Едва они переступили порог, Великая принцесса даже не удостоила Хан Сиэня взглядом. Гордо вскинув подбородок, она зашагала прочь — выразить почтение Вдовствующей императрице.

Юноша лишь насмешливо пожал плечами ей вслед и неспешно побрёл к выходу из дворца.

Для Великой принцессы визиты к Вдовствующей императрице давно стали привычкой: всякий раз, оказываясь в чертогах дворца, она непременно заглядывала в её покои. Сегодняшняя суматоха заставила её нарушить заведённый порядок, но теперь, преодолевая душевную сумятицу, она спешила восполнить упущенное.

Для посторонних глаз всё выглядело как обычно: её величество благосклонно приняла любимую дочь.

Однако едва за спиной Великой принцессы закрылись тяжёлые двери, напускное спокойствие мигом слетело с её лица. Она упала на колени у ног матери, и горькие слёзы хлынули из её глаз неудержимым потоком.

Вдовствующая императрица жестом приказала слугам удалиться, после чего мягко привлекла дочь к себе, бережно сжав её ладони в своих.

— Всё, что стряслось с Цзо-эром, мне уже ведомо, — тихо произнесла она, поглаживая её по руке. — Тяжкая же доля выпала на твои плечи, дитя моё.

— Этот проклятый мерзавец, Хан Сиэнь! — всхлипнула принцесса, утирая застилавшие взор слёзы. — Каким зельем он опоил Императора, раз тот во всём потекает этому выскочке? Мне неведом страх, матушка, но я боюсь одного: что палачи силой вырвут у моего мальчика признание!

Вдовствующая императрица втянула ноздрями тонкую струйку только что зажжённых благовоний. Едва уловимый, изысканный аромат — её любимый — медленно поплыл по залу. Выслушав причитания дочери, она то ли едва заметно усмехнулась, то ли просто прикрыла глаза, а затем негромко промолвила:

— Полно тебе. У него нет улик, а значит, он бессилен против нашего Цзо-эра. Твоя единственная забота сейчас — не выказывать слабости и держать себя в руках.

Голос матери звучал ласково, однако чуткое ухо принцессы уловило в нём стальной, леденящий холод. Смахнув слезинки, она поспешно закивала:

— Верно... Мы лишь беззащитные вдова да сирота. Наша совесть чиста, так с чего бы нам трепетать перед этим выскочкой?

— Вот именно. Ты — великая принцесса этой империи, и вас с государем связывают узы безмятежного детства. Пока за тобой нет вины, никто не посмеет упрекнуть тебя. Лишь этот Хан Сиэнь... Словно кость в горле. Ума не приложу, чем он так приворожил Императора.

Под конец речи в голосе Вдовствующей императрицы проскользнули странные, почти торжествующие нотки. Сбитая с толку, Великая принцесса подняла глаза и замерла: на лице матери блуждала загадочная, глубокая улыбка.

— Впрочем, — приторно-сладким тоном протянула её величество, — всё это лишь прихоть Императора. Ему просто безумно по нраву этот юнец. Что ж... Нам нужно всего лишь подыскать того, кто разделит с Хан Сиэнем эту непомерную государеву «любовь».

Эти туманные намёки окончательно запутали Великую принцессу. Растерянно глядя на мать, она нерешительно спросила:

— Но... матушка, за какие такие добродетели Император выделил его? Как нам угадать его вкусы? С чего вообще начать?

Вдовствующая императрица промолчала. Улыбка медленно сошла с её уст, сменившись маской высокомерного презрения и глухого раздражения перед чем-то, чему ей, вопреки воле, приходилось подчиняться.

Большая принцесса почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не смея больше испытывать судьбу, она торопливо опустила взор, избегая прямого взгляда матери.

Хан Сиэнь, разумеется, не ведал о таинственных заговорах, зреющих в дворцовых покоях. Когда отряд императорской гвардии выдвинулся к казематам Министерства юстиции, он лично последовал за ними.

Камера, куда определили Фан Цзо, оказалась крошечной и удушливой. Трое дюжих гвардейцев у входа полностью заслоняли собой решётку, создавая гнетущее ощущение склепа. Завидев стражей, но не заметив прятавшегося в тени Хан Сиэня, узник подскочил к двери и иступлённо закричал:

— Выпустите меня! Живо! Я требую встречи с Императором и Вдовствующей императрицей! Слышите вы, псы?!

Однако гвардейцы остались глухи к его истошным воплям.

Командовать караулом вызвался лично Гао Фэн. В душе замкомандующий ликовал: высочайшее поручение привело его в восторг. Он предчувствовал, что под началом Хан Сиэня его ждёт очередной виток головокружительной карьеры.

Что бы там ни злословили завистники за спиной молодого маркиза Вечного Покоя, для Гао Фэна тот оставался путеводной звездой. Своим стремительным взлётом в гвардии он был обязан исключительно Хан Сиэню.

Шёпотки и едкие предостережения коллег Гао Фэн попросту пропускал мимо ушей. В конце концов, чины и звонкая монета грели душу куда лучше чужих бредней.

Подавив рвущуюся наружу ухмылку, Гао Фэн почтительно развернулся к юноше:

— Наследник, каковы будут ваши распоряжения? Как обустроить посты?

Только в этот миг исходивший криком Фан Цзо разглядел стоявшего позади гвардейцев Хан Сиэня. Очередной вопль застрял у него в горле. Лицо арестанта багровело от ярости, он выплюнул сквозь зубы:

— Ты?! Какого чёрта ты здесь забыл?!

Помня о клятве не применять пытки, Хан Сиэнь демонстративно проигнорировал беснующегося пленника.

Повернувшись к замкомандующему, он невозмутимо произнёс:

— В карауле должно быть по десять человек на смену. График дежурств составьте сами, но стеречь камеру надлежит пуще зеницы ока. Гвардейцы обязаны непрерывно следить друг за другом. О малейших странностях в поведении товарищей — докладывать мне незамедлительно. С этого мгновения, помимо меня самого, никто не смеет перемолвиться с Фан Цзо ни единым словом. Запрещено даже приближаться к решётке. Будет ли то воля министров или личный указ Вдовствующей императрицы — стоять насмерть. Вопросы есть?

Гао Фэн слегка опешил:

— Даже указ Вдовствующей императрицы? А... если поступит воля самого государя?

Хан Сиэнь на миг замолчал, одарив замкомандующего выразительным взглядом:

— В этом случае тебе придётся раскинуть собственными мозгами.

С этими словами Хан Сиэнь окинул Фан Цзо долгим, пронизывающим взглядом:

— Молодой господин Фан, советую вам на досуге хорошенько поразмыслить над тем, кому и когда вы перешли дорогу. Захотите облегчить душу — дайте знать. Не захотите... Что ж, у меня впереди вечность. Подождём.

Фан Цзо буравил его полным ненависти взглядом, однако Хан Сиэнь, не удостоив его больше вниманием, резко развернулся и ушёл. Гвардейцы тут же сомкнули ряды перед решёткой, надёжно скрыв узника от внешнего мира.

Покинув казематы, Хан Сиэнь неспешно побрёл по Южной улице. Проходя мимо трактира Забывшегося Бессмертного, он приметил в толпе Бай Шу. Тот мигом подскочил к нему:

— Ты почему один разгуливаешь? Не боишься, что подошлют убийц?

Хан Сиэнь лишь снисходительно усмехнулся:

— И что теперь, из-за страха запереться в четырёх стенах?

Бай Шу безнадежно покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать. Оглядевшись, он указал на окна верхнего этажа трактира и заговорщически прошептал:

— Мой старший брат и Третий принц сейчас там, наверху. Брат просил передать тебе великую благодарность.

Генерал Бай Вэньхань действительно был в долгу перед маркизом. Не так давно, когда Император вновь заподозрил его в тайном сговоре с принцем Цзи Ло, Хан Сиэнь принялся безбожно юлить и нести откровенную околесицу перед государем.

Его пламенная речь изрядно уязвила самолюбие и принца, и генерала, лишив их всякого достоинства, но зато начисто развеяла подозрения мнительного монарха.

Вэньхань, будучи человеком прямолинейным, но не глупым, прекрасно понимал, какую неоценимую услугу ему оказали. Пусть методы Хан Сиэня и заставили его изрядно попотеть от злости, генерал умел отличать истинное благо от пустых приличий и твёрдо решил вернуть этот долг при случае.

— Не стоит благодарности, я пёкся вовсе не о его шкуре, — сухо бросил Хан Сиэнь.

Бай Шу неопределённо хмыкнул, разглядывая юношу с явным замешательством. Разговор не клеился.

Наследник Хан оставался абсолютно невозмутим:

— Меня ждут дела. Пожалуй, пойду.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру маркиза, Бай Шу озадаченно нахмурился. Ему не показалось: Хан Сиэнь действительно старался держать его на расстоянии.

Впрочем, Хан Сиэню было недосуг забивать голову думами о Бай Шу. Его мысли всецело занимал Фан Цзо, а точнее — вопрос о том, когда тот наконец сломается.

С тех пор как у дверей камеры встал отборный караул гвардейцев, юноша неизменно навещался туда раз в день. Как он и клялся государю, ни дыбы, ни калёного железа арестант не видел.

Однако изоляция была абсолютной. Какими бы грязными ругательствами ни осыпал Фан Цзо стражников, те стояли безмолвными каменными изваяниями, не достаивая его даже мимолётным взглядом.

В первый день пленник исходил на крик с упоением. Завидев Хан Сиэня, он щедро одаривал его отборной бранью. На вторые сутки, изнурённый бессонницей, он уже хрипел от ярости, уставившись на мучителя налитыми кровью глазами. На третий день Фан Цзо внезапно поймал себя на мысли, что с нетерпением ждёт прихода своего злейшего врага.

Ведь среди этих молчаливых стен лишь Хан Сиэнь оставался единственным живым существом, способным говорить. Каждый день он неизменно задавал один и тот же вопрос: «Не желаешь ли облегчить душу?». Остальные гвардейцы казались бездушными мертвецами.

Чтобы отвести подозрения и пустить пыль в глаза дворцовым соглядатаям, Хан Сиэнь разыграл бурную следственную деятельность. Он демонстративно вызвал на допрос ещё одного схваченного на месте покушения убийцу в чёрном одеянии. Разумеется, стоило маркизу на миг «отвлечься», как допрашиваемый ловко раскусил капсулу с ядом и испустил дух прямо у него на глазах.

Для подобных наёмников, чьи семьи заложниками томились в руках безжалостных кукловодов, скорая смерть была поистине избавлением.

На седьмые сутки разум Фан Цзо окончательно помутился. Лишённый сна, в вечном полумраке сырой одиночки, он вздрагивал от каждого шороха. Ему чудилось, будто из углов каземата выползает могильный хлад, а в тишине раздаются зловещие шёпотки. Стоило Хан Сиэню привычно переступить порог камеры, как надломленный пленник забился в истерике, умоляя дать ему бумагу и чернила для признания.

Пока писцы спешно готовили письменные принадлежности, радостная весть о скорой развязке уже летела в императорский дворец.

С того рокового дня, как Фан Цзо заперли под замок, Великая принцесса не имела ни единой возможности увидеть любимое дитя. И пусть в казематы её не пускали, верные слуги неотлучно дежурили у ворот узилища. К тому же Хан Сиэнь и не думал делать из происходящего тайну.

Едва гвардейцы поспешили к Императору с докладом о чистосердечном признании арестанта, Великая принцесса уже знала обо всём. В её груди разлился леденящий ужас.

Все эти долгие дни её терзали мрачные предчувствия, но она не смела торопить Вдовствующую императрицу.

Её ненаглядный сын рос в неге и роскоши, не ведая лишений. Изувеченная рука всё ещё ныла, а казематы Министерства юстиции — это гиблое, пропитанное смертью место — окончательно доканали несчастного мальчика. Наверняка он оговорил себя от безысходности, угодив в искусно расставленные силки!

Осознав это, Великая принцесса решительно утёрла слёзы, облачилась в парадные одежды и велела запрягать экипаж во дворец.

В конце концов, заговор — полностью её рук дело, и сын тут ни при чём. И раз уж её припёрли к стене, она сделает всё, чтобы увлечь за собой в бездну и Хан Сиэня. Обман государя и клевета — тягчайшие преступления, караемые смертью.

<http://bllate.org/book/20088/2002046>